

К СТОЛЕТИЮ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

УДК 821.161.1.09(470.44-25)+929Прозоров+929

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

В. В. Прозоров

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, prozorov@sgu.ru

Данная публикация представляет собой воспоминания автора о первой профессиональной практике студентов-филологов Саратовского университета в Ленинграде зимой 1960 г., о встречах с Д. С. Лихачёвым и Н. К. Пиксановым.

Ключевые слова: Ленинград, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, историко-филологический факультет Саратовского университета, Е. И. Покусаев, Т. И. Усакина, Л. М. Добровольский, Д. С. Лихачёв, Н. К. Пиксанов.

Philological Coming of Age

V. V. Prozorov

Valeriy V. Prozorov, ORCID 0000-0002-6386-0759, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, prozorov@sgu.ru

This publication presents the author's recollections of the first professional undergraduate training of Saratov University philology students in Leningrad in the winter of 1960, of the meetings with D. S. Likhachev and N. K. Piskhanov.

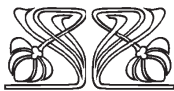
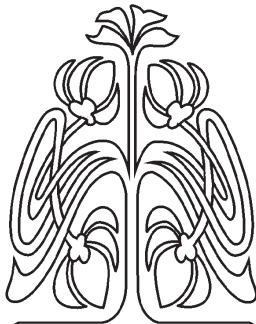
Key words: Leningrad, Institute of Russian Literature (the Pushkins House) Soviet Union Academy of Science, Saratov University Faculty of History and Philology, E. I. Pokusaev, T. I. Usakina, L. M. Dobrovolsky, D. S. Likhachev, N. K. Piskhanov.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-478-481

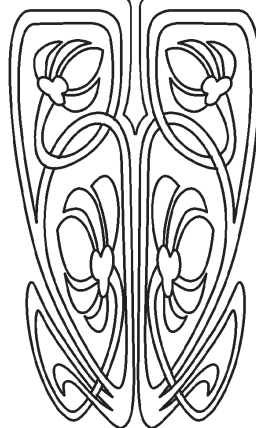
Разрешено всё, что не запрещено – этот принцип не раз сослужит добрую службу для многих студентов, аспирантов и молодых преподавателей саратовского университетского филфака.

В 1960-х – начале 1970-х гг. на филологическом факультете СГУ совершенно неожиданно установилась счастливая традиция: студенты старших курсов получили возможность в зимние каникулы на добровольной основе выезжать в Ленинград (Санкт-Петербург) на факультативную (пусть и скромно, но оплачиваемую!) практику. Интересное и очень важное обстоятельство: практика эта не была предусмотрена никакими официальными учебными планами. Как же она возникла?

Её инициировал заведующий кафедрой русской литературы, профессор Евграф Иванович Покусаев (1909–1977)¹. Человек мудрого озорства и большого авторитета, он часто нарушал правило застыть в почтении перед официальными и «общепонятными» табу: «Не положено!», «Не принято!», «Не предусмотрено!». Как так?! Получать высшее гуманитарное образование в нашей саратовской провинции и ни разу не съездить в Питер, в научную, культурную, библиотечно-архивную, театральную, музыкальную, музейную столицу России!? Не побывать в архивохранилищах Пушкинского Дома Академии наук СССР на Васильевском острове?! Не посетить Русский музей и Эрмитаж?! Набережную Мойки, 12 – музей-квартиру Пушкина?! Места, связанные

ДАТА

с памятью о Некрасове и Салтыкове-Щедрине, Достоевском и Чернышевском!?

Затрудняюсь сказать, каким образом удалось Евграфу Ивановичу убедить университетское начальство (ректором тогда был глубоко симпатичный Покусаеву – и не одному ему – Роман Викторович Мерцлин), но факт остаётся фактом: впервые случилась наша поездка зимой 1960 г. (и с той поры повторялась ежегодно, примерно до 1972/73 учебного года). Мы – группа студентов покусаевского спецсеминара, посвящённого сатирическому искусству М. Е. Салтыкова-Щедрина. В составе группы Всеволод Герасимов, Нагалья Гайдамак, Яков Горелик, Людмила Строкина, Людмила Алексеева... Всего нас собралось восемь или девять человек. Руководить практикой поручено было доценту кафедры русской литературы Татьяне Ивановне Усакиной². Надо сказать, что попечением своим она нас не обременяла, вполне полагаясь на нашу самостоятельность. Видели мы её в эту ленинградскую неделю раза три или четыре.

Интересно было с организацией быта. Студенческий профком СГУ снабдил нас письмом к своим коллегам в Ленинградском университете с просьбой о содействии. Предварительных договорённостей не было никаких. Ехали наобум. Города не знали. Приехали рано утром поездом из Москвы, вышли на площадь Восстания и отправились по Невскому. Шли долго, не спеша, оглядывали знакомые по фотографиям и фильмам достопримечательности, дошли почти до Адмиралтейства и увидели на доме 10 (с той стороны, что опасна была в войну при фашистских артобстрелах) вывеску «Общежитие Текстильного института им. С. М. Кирова». Подумали с минуту: «А вдруг!»

Зашли осторожно – вахтёрша встретила вопросом: «Кто и откуда будете?» – «Из Саратова! Первый раз в Ленинграде. Только с поезда» – «Из Саратова?! (в голосе приятное удивление и явное сочувствие) Проходите...» Распросы... Оказалось, пожилая женщина эта (звали её, мне кажется, Екатериной Петровной) в военные блокадные годы была эвакуирована в Саратов, и там её встретили на редкость радушно. «На всю жизнь я Саратов полюбила!» – призналась она. И без всяких формальностей устроила нас в пустовавших комнатах. Посоветовала только в студенческий профком института зайти за разрешением. Благо, институт, вон он, в двухстах метрах от общежития. Время каникул – и там тоже (поразительное дело!) без труда дали добро на проживание. Так мы в эти счастливые каникулярные дни оказались в самом центре Ленинграда...

Если жизнь измеряется впечатлениями (а я думаю, что так оно и есть), то те давние питерские остались с нами на всю жизнь. И среди них две встречи собственно филологические, о которых я и расскажу сейчас.

На следующий же день по приезде Т. И. Усакина привела нас в Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) Академии наук на набережной адмирала Макарова, дом 4. Она передала директору Пушкинского Дома Алексею Сергеевичу Бушмину дружеское письмо от Е. И. Покусаева с просьбой оказать юным саратовцам содействие в знакомстве с работой ИРЛИ АН СССР (Бушмина и Покусаева сближали интенсивные щедриноведческие исследования и начавшаяся совместная работа над двадцатитомным собранием сочинений писателя-сатирика). Бушмин сразу же препоручил нас известному библиографу Льву Михайловичу Добровольскому (1900–1963), и тот очень доброжелательно и ответственно повёл с нами экскурсию по институту.

Сперва Добровольский познакомил с библиотекой Пушкинского Дома на первом этаже, потом поднялся с нами на второй этаж и передал нас с рук на руки сотруднице Литературного музея. Вслед за быстрой экскурсией по безмолвному музею (подробно остановились только на лермонтовской части экспозиции) Добровольский пригласил нас в рукописный отдел и даже на короткое время чуть-чуть заговорщицки ввёл в святую святых – Пушкинскую комнату, где хранились почти все известные рукописи поэта. Чуть позже резкий телефонный звонок отвлек его от тихой неторопливой беседы с нами по поводу картотек С. А. Венгерова и Б. Л. и Л. Б. Модзалевских. Добровольский тут же озабоченно перезвонил ещё кому-то и виновато сообщил нам, что его сейчас очень срочно по каким-то неотложным делам вызывают в дирекцию института, но нас этажом выше ждёт к себе ... Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906–1999).

Дмитрий Сергеевич уже ждал нас на пороге своего кабинета. Внимательно вглядываясь в наши лица, любезно пригласил зайти. Зашли смущённо. Расселись. Помню общее ощущение некоторой вины: мы, праздные студенты-туристы-экскурсанты, отвлекаем от дел маститого учёного, о трудах которого совсем недавно ещё шла речь на наших занятиях в Саратове с Татьяной Михайловной Акимовой и Верой Константиновной Архангельской по фольклору и истории древнерусской литературы...

И состоялась продолжительная беседа с Лихачёвым. Именно беседа. Вольная. Часа полтора длилась, не меньше. Дмитрий Сергеевич выдвинул условие: задавайте вопросы – смогу-ответчу. Всего, к сожалению, уже не помню. Помню, что говорили о первых наших ленинградских впечатлениях, о державном облике города, каким-то образом вышли на рассуждения о патриотизме ложном и настоящем, о разговорной речи и детском лепете, об университетской студенческой жизни, о саратовской частушке. Кто-то из нас, добродушно поощряемый Лихачёвым, осмелел и припомнил: «Ой, саратовский горы, // Берега зелёные, // Раньше здесь сидели воры, // А теперь учёные». Дмитрий Сергеевич заразительно рассмеялся.

Один вопрос, заданный нашей сокурсницей, показался нам чересчур наивным: «Посоветуйте, как научиться писать?». Но Лихачёв, заметив наше смущение, неожиданно ответил очень серьёзно. Ответ его звучал примерно так (воспроизвожу по давней своей короткой записи): «Кстати, один из способов воспитания патриотизма в человеке вот какой: надо заставлять себя писать... воспоминания. Да-да, воспоминания! Мало у вас ещё опыта? Мало пожили? Неправда. Вспоминайте свои самые счастливые и самые грустные дни и часы детства, отрочества, вспоминайте тех, кто был с вами рядом и уже ушёл, вспоминайте всё, что считаете для себя важным и значительным! Пишите о том, что и кого успели полюбить в этой жизни... И бесценный опыт фиксации памяти приобретёте, и писать постепенно научитесь».

Запомнилась и другая знаменательная встреча – с Николаем Кирьяковичем Пиксановым (1878–1969). Наставляя нас в далёкий по тем временам путь, Покусаев рассказывал про Пиксанова – старейшину филологии, одного из основоположников историко-филологического образования в Саратовском университете, про его исследовательские труды, посвящённые «Горю от ума». Отдельно про его огромную уникальную домашнюю библиотеку, в которой собраны не только книги, но и сотни тематических папок со статьями по различным вопросам истории и теории литературы³.

Жили Пиксановы в доме 8/19 по Волынскому переулку, очень близко от нашего общежития на Невском. Т. И. Усакина строго-настрога предупредила: опаздывать к Пиксанову ни в коем случае нельзя, позвонить в дверь его квартиры следует минута в минуту, в точно условленное время. Предусмотрительно собрались чуть пораньше, подошли стайкой к двери и кто-то нетерпеливо нажал на звонок минут за пять до положенного срока. Открыла нам жена Николая Кирьяковича, приветливая Мария Ивановна Пиксанова-Колесникова. Разделись, прошли в кабинет. Обилие книг завораживало.

Сам старенький и сухонький хозяин появился не сразу, пригласил рассаживаться вокруг большого стола. И начал свой монолог с истории, в которой действовал он сам в юные свои годы, а его визави был один из почтенных его коллег, которого он впервые навестил по какому-то случаю. И при этом пришёл раньше намеченного срока и выслушал такое поучение: «Плохо, милостивый сударь, опаздывать в гости, но ещё хуже приходит раньше времени». Повисала тишина. Мы едва заметно переглядывались. Ощущение конфуза попробовала исправить Мария Ивановна, начав расспрашивать нас, где и как разместились мы в Ленинграде, надолго ли приехали. Но Николай Кирьякович не дал нам права голоса: «Мне Евграф Иванович писал, что саратовская группа приезжает на неделю. Это очень малый срок, чтобы всерьёз заняться своими темами».

Затем он немного оттаял и сам стал допытываться, кто и чем занимается в семинаре глубокоуважаемого Евграфа Ивановича Покусаева. Велел Марии Ивановне записывать наши фамилии и темы, чтобы в следующий раз приготовить каждому из нас соответствующие тематические папки, в которых подобраны были способные нас заинтересовать материалы. Спыхватился, что времени-то как раз у нас и не будет для такой работы. Отставил занятие, связанное с фиксацией наших тем, и предложил для общего знакомства некоторые, заранее подготовленные папки со статьями.

Мы что-то принялись листать, старательно разглядывать. Выражали вслед за Татьяной Ивановной свое удивление по поводу информативно богатого содержания этих папок. От предложенного чая единодушно отказались.

Наконец, хозяин кабинета принялся за рассказ, к которому, по всей видимости, тщательно подготовился. Речь повёл о филологии, о себе в юные годы, о саратовской поре своей жизни, о своей роли в создании историко-филологического факультета Саратовского университета. Разумеется, ни слова о С. Л. Франке (1877–1950)⁴. Имя его в позитивном контексте было под официальным запретом. Смутно известно было нам только, что Франк, увыв, позволял себе спорить с революционным Лениным и получал не раз со стороны вождя мирового пролетариата гневную отповедь...

В заключение приведу несколько поучительных тезисов, записанных мною в тот день со слов Н. К. Пиксанова:

«Вы сегодня наследники историко-филологического факультета, организованного нами ещё в 1917 году, перед самой Октябрьской революцией... Мне радостна встреча с вами.

Вместе с моими коллегами (а это по большей части были весьма квалифицированные кадры) мы тогда на новом факультете начали работу с того, что организовали специальные семинары по исследовательским интересам. Я повёл семинар, посвящённый творчеству А. С. Грибоедова и его комедии. Это было мне близко и нуждалось в дальнейших тщательных разработках.

В университете каждый должен пробовать себя в качестве исследователя в той или иной области. Не каждый станет исследователем. Настоящий исследовательский дар – большая редкость. Но попробовать и понять свои возможности, я убеждён в этом, нужно каждому из вас.

Первый наказ мой слушателям семинара был такой (я и сейчас считаю его самым важным): интересоваться филологу надо всем, чем угодно, а работать только сосредоточенно. Иначе успеха не видать!..

На собственном примере смею утверждать, что саратовская провинциальная жизнь будит мысль и располагает к сосредоточенной исследовательской и педагогической работе. Мне удалось, несмотря на большую занятость учебными дела-

ми, хорошо поработать в Саратове и продвинуться в изучении русской литературы»...

Весело выслушав наш подробный отчёт о ленинградской поездке и в несколько насмешливом, но тёплом ключе поданный рассказ о визите к Н. К. Пиксанову, Евграф Иванович, помню, прореагировал так: «Что я вам скажу? (пауза.) Старость надо уважать!»

И это тоже был нам своевременный урок...

Примечания

¹ См.: Прозоров В. Покусаев Евграф Иванович // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : Материалы к биографическому словарю / сост.

В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 2010. С. 194–200.

² См.: Демченко А. Усакина Татьяна Ивановна // Там же. С. 244–246. Позднее руководить студентами-филологами в зимнюю ленинградскую практику поручалось Б. И. Лазерсон, А. А. Жук, В. Б. Смирнову, неоднократно – мне. Но последующие поездки организовывались тщательнее, во всяком случае, предварительно запрашивалось согласие Ленинградского университета на проживание саратовцев в их общежитиях.

³ См.: Борисов Ю., Тарасова Ю. Пиксанов Николай Кириллович // Там же. С. 190–194.

⁴ См.: С. Л. Франк. Саратовский текст / сост. : А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина ; отв. ред. В. В. Прозоров. Саратов, 2006.

Образец для цитирования:

Прозоров В. В. Филологическое взросление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 478–481. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-478-481.

Cite this article as:

Prozorov V. V. Philological Coming of Age. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 478–481 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-478-481.